

8с(Тот)(092)
М 91

Рафаэль Мустафин

По
следам
обо-
рванной
песни



8С. (Тат) 092/
1191

Рафаэль Мустафин

+ор82

По
следам
обо-
рванной
песни

Книга-
поиск



Перевел
с татарского
автор

МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

1961
Оренбургская областная
Библиотека им. Н. К. Крупской

726086

СТО ЧЕТЫРНАДЦАТЬ ШАГОВ

От тяжелых, выкрашенных охрой дверей центрального блока тюрьмы Плетцензее до приземистого кирпичного строения в глубине двора сто четырнадцать шагов. Сто четырнадцать шагов — сначала по стершимся каменным плитам, потом по утоптанному щебню вдоль высокой тюремной ограды, затем по неширокой, аккуратно посыпанной желтым песком дорожке...

Но они не считали шаги.

Они смотрели на омытое недавними дождями голубое небо, на ослепительно белые облака, на редкие травинки, которые упрямо пробивались между каменных плит.

Они жадно вдыхали свежий воздух и шурились от ярких лучей августовского солнца, беспощадно высветившего болезненную желтизну их лиц. И с удовольствием разминали затекшие ноги, с которых только что сняли кандалы.

...Теперь уже не сто четырнадцать шагов, а гораздо меньше отделяло их от барака, где в эту минуту палач заканчивал последние приготовления к казни. Он крикивал на своих помощников, которые сильной струей из шлангов смывали кровь со стен и цементного пола. Несколько дней назад двух его самых опытных и надежных подручных взяли на Восточный фронт. Пришлось — в нарушение всех инструкций — взять помощниками бывших уголовников, а они не очень-то старались. Казней с каждым днем было все больше и больше. А тут еще во время недавней бомбежки во дворе тюрьмы разорвалась полу-тонная бомба. Ударная волна как ножом срезала угол барака, грудой кирпичей засыпало и повредило гильотину. И хотя обломки на другой же день расчистили, а гильотину починили, палач был не совсем доволен ее работой. Семидесятипятикилограммовый стальной нож ходил несколько косо в разболтавшихся пазах. Вдруг заминка?.. Этого палач не терпел. Втайне он гордился безотказной работой своей адской машины, в которой собственноручно сделал некоторые усовершенствования. И сейчас, в последние минуты перед очередной казнью, он что-то подкручивал, подтягивал, еще раз проверял работу откидного стола и рычагов для захвата...

...Шли молча, опустив головы. Зиннат Хасанов, шедший перед Джалилем, на мгновение оглянулся, и Муса

увидел в его глазах такую глубокую тоску, что сердце у него сжалось. Он вспомнил, что Зиннат один из самых молодых среди них, даже жениться еще не успел... Мусе захотелось как-то подбодрить товарища, поддержать, утешить. Но что сказать, что?.. И вдруг он запел, усилием воли преодолев душивший его приступ кашля:

Кара карлыгач микэн,
Сары сандугач микэн...¹

Это было до того неожиданно, что конвойные в первую минуту растерялись. А песню уже подхватили.

— Ма-а-алчаты! — крикнул старший конвойный. Крикнул скорее по привычке, потому что он все равно ничего не мог поделать с людьми, которых отделяло от смерти несколько десятков шагов.

Муса видел, как распрямлялись спины, как сжимались в кулаки скованные руки, слышал, как крепили и набирали силу поначалу неуверенные голоса. Не все помнили слова песни, но с еще большим задором и яростью повторяли припев.

В фашистском Берлине, во дворе всегда безмолвной, словно вымершей тюрьмы звучала, выплескиваясь за ограду, татарская песня, рожденная на берегах могучей Идели².

...У ворот центральной проходной топтался низкорослый человек с плоским, изъеденным оспой лицом. Он выглядел нелепо: в черном гражданском костюме и белой чалме, обмотанной вокруг головы, с толстым кораном в зеленом бархатном переплете под мышкой. Прохожие с любопытством оглядывались на него, и человек с кораном злился и нервничал. Черт его дернул послушаться Шафи Алмаса! Как будто этих проклятых коммунистов нельзя было отправить на тот свет без муллы и корана. Сам-то Шафи Алмас и пальцем не шевельнул для спасения своих единоверцев, наоборот, потребовал строжайшего наказания для смутьянов. И патер Юрытко тоже хорош: заставляет его столько ждать за воротами...

Вдруг из-за высоких кирпичных стен донеслась песня... Песня, которую ему доводилось слышать еще в да-

¹ То ли черная ласточка,
То ли серый соловушка... (тат. нар. песня).

² И д е л ь — Волга (тат.).

леком детстве от матери. Песня, почти забытая за долгие годы скитаний...

Придерживая развевающиеся полы черной сутаны, к нему спешил тюремный священник Юрытко. Он едва не опоздал на казнь и теперь пытался придать своему гладкому, покрасневшему от быстрой ходьбы лицу приличествующее случаю скорбное выражение.

Когда духовные пастыри подошли к бараку, песня уже смолкла. Приговоренные стояли тесной кучкой, касаясь друг друга плечами, и... улыбались. Облегченно улыбался Курмаш, вытянув изувеченную ногу и всем телом привалившись к широкой груди Джалиля. Сдержанно, сквозь слезы, улыбался Зиннат Хасанов. Запрокинув голову к синему небу, отрешенно шурился Абдулла Баттал... По-детски открыто улыбался Алиш, стараясь протиснуться поближе к Мусе. Одиннадцать таких непохожих и в то же время таких одинаковых своей непокорностью улыбок — вот что врезалось в память преподобных отцов в эту последнюю минуту, вот о чем с удивлением вспоминали они много лет спустя...

«КОГО-ТО ИЗ НАС НЕДОСЧИТАЮТСЯ...»

Прощай, моя умница! Если судьба
Пошлет мне смертельную рану,
До самой последней минуты своей
Глядеть на лицо твое стану.

...И в сердце останется только любовь
К тебе и родимому краю,
И строки последние кровью своей
О ней напишу, умирая.

Чтоб нашего счастья врагам не отдать,
Тебя я покинул, родная...
Я — раненый — грудью вперед упаду,
Дорогу врагу преграждая.

*Муса Джалиль. Из стихотворения
«Прощай, моя умница», посвящен-
ного жене Аминне. 1941 год¹*

В это ясное июньское утро Муса с семьей собрался за город, на дачу друга.

До отправления поезда оставалось несколько минут, когда по радио объявили о начале войны.

¹ Стихи М. Джалиля и его соратников приводятся в переводах В. Тушновой, Ю. Кушака, Я. Козловского, И. Френкеля, В. Ганиева,

СОДЕРЖАНИЕ

Сто четырнадцать шагов	6
«Кого-то из нас недосчитаются...»	7
На курсах политработников	10
«И после смерти не умирать»	17
В резерве	20
«Коли так — оформляйте»	23
Первая весть	26
«Если эта книжка попадет в твои руки...»	28
Загадки, загадки...	32
Пакет из Брюсселя	36
Второе рождение поэта	38
«Волхов — свидетель: я не струсил»	40
«Продолжаю писать стихи и песни»	65
Заря над колючим забором	69
Из воспоминаний Салиха Ганеева	73
Крепость Демблин	76
Странные перемены	83
«Надеть вражеский мундир? Никогда!»	85
«О чем всю ночь слагал стихи поэт?»	88
Находка в партийном архиве	93
Вуэстрау — особый лагерь	97
Три сигнальные ракеты	102
Встреча с Розенбергом	112
Осиное гнездо	116
Званный ужин	122
Признание эсэсовца	125
Учиться искусству конспирации...	127
Встреча в подвале	130
Поездка по лагерям	134
Левое крыло сокола	141
«Пирушка» в ресторане «Ам Цоо»	144
«Дожить бы до того часа...»	146
Рядом с Джалилем	150
Донос «президента»	153
Сильное противоядие	158
Провал	161
Тринадцатый	164
Драма в Черном лесу	184
«Они вели себя героически...»	189

Варшава — «Павиак» — Берлин, Александерплац	193
В «ожидалке»	198
Сосед по камере	201
История первой Моабитской тетради	211
Суд в Дрездене	218
«Я — коммунист, а ты — фашист...»	223
«Татары умерли с улыбкой»	232
«Светлый облик Джалиля я навсегда сохранил в памяти»	248
В стране Алман	252
У развалин Моабита	253
Тридцать минут в западноберлинской тюрьме	256
Шпандау	258
«Мы преклоняемся перед ними...»	261
Лобное место Европы	267
«Я под снежной засну пеленою...»	271
Оборванные нити	273
Что сказала ЭВМ?	283
Гайнан Курмаш	293
Абдулла Алиш	297
Ахмет Симаев	302
Рахим Саттаров	311
Гариф Шабаетов	315
Фуат Булатов	318
Зиннат Хасанов	319
Абдулла Баттал	321
Фуат Сайфельмулюков	322
Ахат Атнашев	326
Салим Бухаров	330

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу Вы можете почитать в Оренбургской областной универсальной научной библиотеке им. Н.К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 77-92-66